

Это был праздник в честь открытия каналов у её собственного сына, но неожиданные гости испортили всё настроение госпожи Су.

Однако сейчас эта парочка — брат и сестра — опиралась на авторитет самого владыки пика Лоюнь, истинного небожителя стадии Зарождения Души. И как бы госпожа Су ни кипела от ненависти, ей приходилось изображать радушие.

Дождавшись, пока старая госпожа Су закончит беседу с посланником, прибывшим с пика Лоюнь, госпожа Су нацепила маску заботливой матери и услужливо распорядилась, чтобы слуги подготовили для гостей места.

С улыбкой проводив названных детей к столам и предложив им почетные места, госпожа Су с виноватым видом начала оправдываться:

— В начале месяца стояла такая влажная жара, я посылала людей передать детям летнюю одежду. Кто же знал, что, придя туда, они узнают, что дети закрылись в уединении, пытаются прорваться на новый уровень.

— Учение превыше всего, я не посмела их беспокоить. Этот банкет — лишь скромное семейное торжество, я и не думала отвлекать их от занятий, кто же мог предположить, что они уже закончили медитацию.

Закончив, госпожа Су с благодарной улыбкой повернулась к посланнику:

— Благодарю вас за то, что привезли детей.

Слова госпожи Су прозвучали мягко и вкрадчиво. Сначала она объяснила, почему не сообщила брату и сестре о банкете, а затем, упомянув, что это лишь узкий семейный круг, намекнула, что прилетать с пика Лоюнь на мечях и журавлях — слишком уж вызывающе.

После её слов на лицах главы клана Су и старой госпожи Су промелькнуло одобрение.

Но был ли посланник, представляющий интересы пика Лоюнь, простаком? Конечно, нет. Он прекрасно понял скрытую иронию в словах госпожи Су, но для совершенствующегося, привыкшего странствовать по белу свету, кругозор обычных людей был слишком узок.

Практики не вступают в споры с мирскими людьми, точно так же, как люди не обращают внимания на муравьев. Он лишь усмехнулся и, проигнорировав госпожу Су, обратился к старой госпоже и главе клана:

— Младшие брат и сестра только что прорвались на стадию Очищения Ци. Наш владыка очень обрадовался и специально отпустил их домой отдохнуть. Такое радостное событие должно быть известно семье.

Стадия Очищения Ци?!

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Никто из присутствующих больше не мог думать ни о чем другом.

— Дети... они правда достигли стадии Очищения Ци?

В отличие от открытия каналов, прорыв на стадию Очищения Ци означал, что человек сделал первый шаг на пути Дао и стал настоящим практиком.

Такие люди уже умели управлять духовной энергией и совершенствовать дыхание, становясь совершенно иными, чем обычные смертные. Сама по себе стадия Очищения Ци не была чем-то редким — даже приглашенные гости в клане Су были как минимум на стадии Основания, но поражала именно юность брата и сестры, их невероятный талант.

Едва достигли двадцати, а уже Очищение Ци — несомненно, их ждет Золотое Ядро. А если улыбнется удача, то и стадия Зарождения Души не за горами.

При мысли о том, что в далеком будущем в семье Су могут появиться два истинных небожителя, старая госпожа Су, опираясь на трость, поднялась со своего места. Её старческие глаза с надеждой впились в двойняшек.

Видя это, Су Цзинжань и Су Сунцы наконец произнесли свои первые слова с момента появления:

— Цзинжань и Сунцы бездарны, прорвались лишь несколько дней назад.

Даже молчаливый глава клана Су просиял от радости. Старая госпожа Су запричитала:

— Хорошие детки, хорошие! Идите скорее к бабушке!

На почетном месте изначально стояло всего два стола, и Су Минчжэ, как главный герой дня, сидел рядом со старой госпожой. Теперь же, когда подошли Су Цзинжань и Су Сунцы, места для него не осталось. Госпожа Су, не выдержав, поспешила позвать своего драгоценного сына к себе. Глава клана Су встал, чтобы лично занять посланника с пика Лююнь.

Так семейный банкет в честь открытия каналов у Су Минчжэ превратился в бенефис брата и сестры. Гости, скорее всего, после этого вечера запомнят только прорыв двойняшек, напроць забыв об истинной цели торжества.

Су Хуайань, наблюдая за этим со своего места, с интересом следил за развитием событий. Вдруг он заметил, что Су Хуэй смотрит на него с каким-то странным выражением. Су Хуайань

уже было собрался невозмутимо отвести взгляд, но его поймали с поличным.

— Слушай, Ань, как ты? Неужели тебе совсем не обидно? — Су Хуэй попытался обнять Су Хуайаня за плечи, но тот ловко увернулся.

По мнению Су Хуэя, пик Лоюнь поступил подло. Су Минчжэ из главной ветви только-только открыл каналы, был на пике своего триумфа, а тут — такой удар. Разве это не публичная пощечина?

Однако куда больше, чем то, как лицо госпожи Су и Су Минчжэ втаптывают в грязь, Су Хуэя интересовала странная реакция Су Хуайаня. Раньше, стоило госпоже Су или её сыну попасть в неприятности, Су Хуайань бросался на их защиту, словно маленький волчонок, готовый на всё. Доставалось даже старой госпоже и главе клана.

Но сегодня? Су Хуайань явно не выглядел расстроенным.

— Конечно, мне обидно.

Пасынок семьи Су, который раньше не позволял никому обижать мать и брата, опустил голову, и во всей его фигуре сквозило одиночество.

— Минчжэ открыл каналы, брат с сестрой вошли в стадию Очищения Ци, а я... — Су Хуайань покачал головой. — Боюсь, мне не суждено постичь Дао.

Су Хуэй хотел спросить о его реакции на поражение в борьбе, но не ожидал, что собеседник так прямо переведет разговор на собственную неспособность.

— Помнится, у тебя, Су Хуэй, пять стихийных корней?

Су Хуэй замолчал. Хотя у Су Хуайаня был бесполезный мусорный корень, у самого Су Хуэя был не менее никчемный пятиэлементный — о стадии Очищения Ци он даже мечтать не мог, не то что об открытии каналов.

Су Хуэй хотел спровоцировать Су Хуайаня, подтолкнуть его к скандалу, но в итоге сам же оказался в дураках. У Су Хуайаня хотя бы есть родной брат с небесным корнем, а что есть у него?

Получив такой тонкий отпор, Су Хуэй больше не осмеливался смотреть на пасынка свысока. Су Хуайань, хоть и держался в тени, умел постоять за себя. А тот, видя, что Су Хуэй притих, спокойно налил себе чаю и принялся его дегустировать.

Су Хуэй не знал, что и сказать. И где здесь хоть капля расстройства?!

Пир не задался. В этот вечер, кроме старой госпожи и главы клана, никто не был по-настоящему счастлив. Ближе к концу банкета посланник с пика Лююнь откланялся, но перед уходом напоследок подкинул еще одну новость:

— Шестого числа этого месяца у младших брата и сестры день рождения. Владыка приказал устроить праздник на пике Лююнь. Надеюсь, молодые господа и барышни соизволят почтить нас своим присутствием.

Глава клана Су, не ожидавший, что владыка Линсун так заботится о детях, кивнул:

— Разумеется.

Посланник взмыл в небо на мече, улетаая прочь вместе с сытым журавлем.

После того как гости разошлись, госпожа Су в ярости вернулась в свои покои. Су Минчжэ бросил на мать беспомощный взгляд и, холодный и отстраненный, сел в стороне. Именно такую картину застал глава клана Су, войдя в комнату.

— Ты тоже хорош, что за мины корчишь перед ребенком?

Махнув рукой, чтобы Су Минчжэ ушел к себе, он сел рядом с женой. Госпожа Су взорвалась:

— Это всё твои проделки!

Если бы семья Су не пришла в упадок, разве позволил бы какой-то чужак указывать им, как жить?

Глава клана усмехнулся:

— Пик Лююнь, может, и ведет себя властно, но зла не желает, в конце концов, всё ради детей.

Госпожа Су потеряла дар речи. Ради детей — да, но не ради её детей! Глава клана проигнорировал её недовольство и сменил тему:

— Кстати, пусть Минчжэ тоже едет, пусть расширит кругозор, посмотрит, как живут в секте Юньинь. Там будет много детей из других знатных семей, Минчжэ сможет завести полезные знакомства.

В его глазах Су Минчжэ был обязан совершенствоваться, и вместо того чтобы сидеть дома, лучше заводить связи с другими представителями кланов. Кто знает, быть может, эти друзья детства станут опорой друг другу через сто лет.

Услышав про друзей, госпожа Су нахмурилась, но всё же ответила:

— Не поедет.

Не дожидаясь вопроса мужа, она выпалила:

— Раз уж пик Лоюнь смотрит на нас свысока, зачем нам напрашиваться? А если Минчжэ там кто-нибудь обидит?

Близнецы последние годы жили на пике Лоюнь и привыкли к тамошней компании, зачем туда соваться Минчжэ? Всем известно, что отношения между ними натянутые.

— И что ты предлагаешь? — глава клана потерял терпение и встал. — То не так, это не этак, ты сама губишь будущее ребенка.

Госпожа Су закатила глаза:

— Я не говорила, что он не поедет.

Конечно, поедет. А вдруг его заметит кто-то из великих и возьмет в ученики?

— Просто Минчжэ не должен ехать один. Нужно взять с собой Хуайаня. У того сердце доброе, он с детства ставит Минчжэ на первое место. Если он поедет, то в случае чего прикроет брата.

— Ладно, пусть будет так.

Глава клана, не питавший особого интереса к Су Хуайаню, равнодушно кивнул и, взмахнув полами халата, вышел из комнаты в сторону внутренних покоев. Несколько дней назад ему подарили двух прекрасных наложниц, и сейчас он был полон желания.

Су Хуайань еще не знал о решении родителей. После банкета, проигнорировав гневный взгляд Су Хуэя, он вернулся в свой дворик. Чуньтао еще не спала, подперев щеку рукой, она ждала его. Услышав шаги, она радостно вскочила:

— Молодой господин, вы вернулись! Было что-нибудь интересное на банкете?

Раньше Чуньтао никогда не осмеливалась задавать такие вопросы — молодой господин был так занят и так усердно трудился, что она боялась отвлечь его хоть на минуту. Но теперь он будто переменился, и у него находилось время для пустой болтовни.

— Завтра узнаешь, — уклончиво ответил Су Хуайань.

Чуньтао недовольно надулась. Су Хуайань переоделся, сел за стол и достал принадлежности, чтобы что-то набросать на бумаге. Он сделал знак Чуньтао, чтобы та села рядом.

— Что это?

— Чуньтао, ты у нас всё знаешь, скажи, сколько можно выручить за рисунок такого уровня?

Чуньтао взяла лист и, взглянув на него, замерла. На бумаге было всего несколько штрихов, но люди и предметы с банкета выглядели как живые.

— Это... молодой господин, когда вы научились так рисовать?

Она никогда не видела ничего подобного и смотрела на рисунок, словно завороченная. Подождите-ка. Она взглянула на Су Хуайаня и внезапно поняла:

— Молодой господин, вам нужны деньги?

Су Хуайань кивнул:

— Деньги — не главное, важнее найти себе дело.

Сегодняшний банкет наглядно показал, что борьба между ними достигла точки кипения. Чтобы не оказаться втянутым в этот водоворот, нужно было как можно скорее искать способ покинуть особняк Су. В прошлой жизни он занимался искусством и был довольно известен в кругах художников. В этом странном мире, чтобы прокормиться, ему придется использовать навыки прошлой жизни.

— Молодой господин, вы решили всё отпустить?!

Кто бы мог подумать, что Чуньтао, которая секунду назад гордилась мастерством хозяина, услышав о поиске работы, вдруг прослезится.

— ...Что это за выражение лица?

— Молодой господин, я... я просто очень рада за вас.

Все эти годы она была рядом. Она видела всю боль, борьбу и попытки Су Хуайаня встать на ноги, она молча поддерживала его, когда он отчаивался. Как служанка, она не могла уговорить его перестать быть таким упрямым. Но когда он сам решил жить своей жизнью, она искренне

порадовалась за него. Как же хорошо.

— Завтра же пойду поспрашиваю! — Чуньтао вытерла слезы и радостно улыбнулась.

Ночь была глубокой. Чуньтао отправили спать, а Су Хуайань занялся своими делами. Когда он поправлял подушку, то внезапно нащупал под ней нечто до боли знакомое — нефритовый кулон, который Чуньтао когда-то забрала и, как предполагалось, закопала где-то в земле.

<http://bllate.org/book/21740/2247608>